

jeda mem

Исчезновение с выбором

18+

jeda mem

Исчезновение с выбором

<https://litres.ru/74637262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди приходят и уходят. Новый день начинается и заканчивается. Чьято жизнь только зародилась, а ктото, наоборот, умер. Иногда люди не понимают этого, не замечают ценность своего существования и тратят время на абсолютно бесполезные вещи. Но после смерти человека близкие и дорогие ему люди всё равно помнят об ушедшем.

Потому люди и исчезают, так ничего и не сделав для себя, для общества, для страны, для земли. При этом тема касается не только жизни взрослого человека, но и подрастающего поколения: ведь люди, независимо от возраста и пола, одинаково умеют — или не умеют — ценить жизнь. А что, если человек уйдёт, даже ничего не начав и не попробовав сделать хоть для кого-то, и о нём никто не будет помнить — лишь один случайный или не случайный человек..

Рассказ о подростковых мыслях, поступках и взаимоотношениях с обществом. В нём будут затронуты весьма неприятные темы, которые обычно не принято обсуждать, — в этом и суть моего рассказа. Приятного чтения!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

jeda mem

Исчезновение с выбором

Глава 1

"На грани

"Мне всегда было интересно: что было бы, если бы я исчезла? Просто по щелчку пальцев меня нигде не стало. Что тогда было бы с родными? Волновались бы они? Через сколько перестали бы плакать? Или сожалеть, что так и не поговорили со мной? Мы не ценим то, что всегда с нами, а когда теряем, сталкиваемся с жестокой реальностью. Нужно ценить тех, кто рядом. Неважно, какая от этого будет выгода, — важно то, что ты по-настоящему чувствуешь, находясь с человеком. Даже если это не самый значимый человек в твоей жизни: таких ещё будут тысячи, миллионы...

Так что же будет, если ты вдруг резко исчезнешь — и про это никто не вспомнит? Я всегда держалась в сторонке, была просто «среднечком». Ничем не выделялась — просто жила, просто училась в школе. Но в моём мире была полная противоположность мне — Ник. Он был душой класса: с ним было комфортно поговорить, он всегда оказывался в центре внимания. Мы никогда не были близки; нас связывали только школа и один класс. Кто бы мог подумать, что всё окажется-

ся куда запутаннее...

«Утро, 20 февраля». Это мой дневник. Сюда я буду записывать то, что не могу никому высказать. С детства я была словно белой стенкой, которую всегда можно подвинуть. Подружек у меня спокойно отбирали, подговаривали, чтобы со мной никто не общался, — так было с пяти лет. Да... В общем, история у меня довольно грустная. Я вроде как комуто нужна, а вроде и нет. Тогда Эми ещё не подозревала, что всё обернётся совсем иначе...

«Вечер, 20 февраля». Рассказ Эми. Я, как обычно, шла из школы. День за днём я ходила по этой дороге — к сожалению или к счастью — одна. В этот день я решила пройти под крышей моего любимого здания. Это обычная двенадцатиэтажка; раньше я никогда не ходила под ней. Почему же она любимая? Среди новостроек она выделяется. Здание кажется таким родным, будто из детства, — вот поэтому оно и любимое. Когда я прошла ровно половину пути вдоль дома, сверху что-то прилетело и с грохотом упало на землю. Подняв глаза, я увидела своего одноклассника. И ладно бы это был просто одноклассник — но это был Ник. На его лице застыла всё та же улыбка с ямочками. Его золотистые волосы теперь казались тёмнобордовыми. Сначала я не поверила своим глазам: «Ник? Как же это могло произойти?» А потом мой разум словно затуманился. Тут же подбежали прохожие, стали звать на помощь, но Ник уже был мёртв. Да, вот так просто. Никто не знал причины. Был ли это осознанный поступок

или что-то, сделанное кем-то другим? Почему именно он? Я впервые видела безжизненное тело у своих ног. От шока я даже не помню, как добралась до дома. Очнулась уже лёжа в постели: руки были холодными, лицо — в поту. У меня не возникло вопроса «Как я очутилась дома?». Первой мыслью было: «Где Ник?» Кое как я дошла до кухни и остановилась у плиты. Я не понимала, что со мной происходит: сколько сейчас времени, где мама, где сёстры... И вдруг я рухнула на пол, будто у меня никогда и не было ног, а тело только сейчас об этом вспомнило. Позже я очнулась в тёмной комнате. Я сидела на стуле и не могла пошевелиться. И тут из-за моей спины раздался голос Ника. Его тембр ни с кем не спутать. Меня всегда поражало, насколько он был низким — словно говорил не семнадцатилетний парень, а прокуренный шестидесятилетний мужчина.

— Ник? Это ты? — я отчаянно пыталась понять, сон ли это. К сожалению, мои догадки подтвердились.

— Ник!!! — я кричала что есть мочи. На секунду перед глазами вспыхнули его школьные фотографии, а потом... Хаха... чёрный экран, будто это я умерла, а не Ник.

— Эмили Смит, верно? Всё думаю: почему из всех знакомых мне людей именно ты увидела мою смерть? — задорно прошептал Ник.

— Ник, ты...

— Хаха, да что вы, людишки, вообще знаете о жизни? Ничего! Вы не можете читать мысли, проникать в чужую голо-

ву. Это понастоящему загадочно. Вот и в мою голову никто не смог проникнуть, чтобы узнать, что было у меня на уме в момент... в момент моего поступка. Ты ведь даже не знаешь меня. Да и никто не знает. Да я, впрочем, и сам себя не до конца знаю

.— То есть ты и вправду умер?..

— Забавно, но да.

— Даже сейчас ты строишь из себя смешного дурака. Ник, прекрати! Ты же не такой.— Вот именно, я не такой. Но даже теперь, когда я мёртв, я хочу оставаться тем весёлым парнем, каким меня все знали. Тебе, наверное, страшно интересно, какова причина моей смерти? Но причины как таковой нет. Да, это был необдуманный поступок, но я...

Конец 1й главы

Глава 2

----2 года назад----

«Ник, ты просто невыносим. Тебе нужно быть более спокойным...» — этот голос звучал в моей голове снова и снова, будто заезженная пластинка, которую невозможно выключить. «Ты совсем что ли, Ник? Как ты мог так поступить?..» — в этих словах слышалось не просто раздражение, а какое-то глубокое отторжение, от которого внутри всё сжималось в тугой узел. «Я разочарована в тебе, сынок...» — от этого тихого, усталого признания хотелось провалиться сквозь землю. Не крика, не гнева — именно этого спокойного разочарования я боялся больше всего. «Как такое существо, как ты, вообще могло родиться?» — эти слова били не по самолюбию, а по самой сути моего существования, оставляя после себя звенящую пустоту. Да... Возможно, я не идеальный, но зачем всё в лицо-то говорить? Зачем раскладывать по полочкам каждую мою ошибку, будто я не живой человек, а лабораторный образец под микроскопом? Вот так и прошло время. С виду со мной всё было хорошо: я улыбался, шутил, делал вид, что ничего не происходит. Но это была лишь маска, которую я научился носить так безупречно, что она почти срослась с моим лицом. Я никому не мог рассказать, что со мной по-настоящему было — ни близким, ни даже себе вслух. Даже самым близким друзьям. Думаю,

если бы я рассказал им всё, они бы просто больше не дружили со мной, приняв меня за сумасшедшего. В их мире не было места для такой тяжести, и я не хотел становиться для них ею. Четыре с половиной года я терпел наболевшее, пряча эту боль за привычными жестами и заученными фразами. Дни сливались в одно серое полотно, где каждое утро начиналось с одного и того же ритуала: глубоко вдохнуть, натянуть улыбку и выйти за дверь, будто всё в порядке. Однажды я всё-таки открылся человеку. К сожалению или к счастью, он мёртв. У него было похожее состояние, как у меня, — та же внутренняя пустота, те же бессонные ночи, когда тишина в комнате становится громче любого крика. Видимо, мы были родственными душами, потому что я тоже не справился с этим, как и он. Этот человек по-настоящему меня понял, поскольку сам проживал это — не пытался дать советы, не говорил «всё будет хорошо», а просто кивал, будто знал: никакие слова тут не помогут. Даррелл был достаточно закрытым человеком, почти непроницаемым для посторонних взглядов, я, наоборот, открытый и настойчивый, вечно пытающийся прорваться сквозь любые стены. Но мы дополняли друг друга, потому и дружили. Он был той тишиной, в которой я мог наконец перестать притворяться, а я был тем светом, который хоть немного разгонял его мрак. Я был на его похоронах, и я был один в тот день. Даже его родители не пришли: они жутко пили, и, скорее всего, даже не знали, что их сын ушёл. Или знали, но боль оказалась сильнее чувства

долга. Ни одноклассники, ни учителя не знали, что его больше нет на этом свете. Казалось, что смерть Даррелла прошла мимо всех, кроме меня, и от этого становилось ещё страшнее. Это было по-настоящему тяжело. Я плакал каждый день, каждую ночь, каждое утро. Слёзы приходили не по расписанию, а тогда, когда какая-то мелочь — запах, звук, случайное слово — снова начинало мне напоминать о произошедшем. И это продолжалось ровно до тех пор, пока я сам не захотел умереть. Меня просто никто не мог понять. Люди видели лишь оболочку: весёлого парня, который всегда найдёт что сказать, который никогда не сидит в углу. Они не сопоставляли мой образ в школе и в обычной жизни. Да, это были два разных человека, и я сам иногда терялся между ними, не зная, какой из них настоящий. Я устал. Я правда устал притворяться. Каждый день был как бесконечная сцена, где я играл роль, которая мне не принадлежала. Все в это верили, все аплодировали, но все мои старания быть настоящим и ненаигранным оказывались тщетными. Чем искреннее я пытался быть, тем сильнее люди отстранялись, будто моя правда была для них слишком тяжёлой. «Ты знаешь, Эми, однажды в моей жизни появился по-настоящему важный для меня человек. Её звали Кая. Она понимала меня, сочувствовала и умела меня поддержать — не словами, а просто своим присутствием, тем, как она молча сидела рядом, пока мир рушился. В моменты, когда её не было рядом, мне словно перекрывали кислород, и, задыхаясь, я просил её прийти ко

мне, будто только её голос мог удержать меня на краю. Также она появилась в моей жизни, когда я утратил всю мотивацию жить. Это было спустя шесть месяцев после смерти Даррелла — время, которое должно было хоть немного притупить боль, но вместо этого сделало её только острее. Тогда она казалась для меня ангелом, спустившимся с небес, тем самым чудом, в которое я уже перестал верить. Но всё изменилось. Да... Всё изменилось, когда в какой-то момент она устала от меня — она просто устала вытаскивать меня из сложного состояния, день за днём, шаг за шагом, будто тащила на себе непосильный груз. Это был второй человек в моей жизни, которому я по-настоящему доверял, кто знал меня таким, какой я есть, — без фильтров, без масок, со всеми моими трещинами и шрамами. На мой вопрос: «Всё то, что было между нами, — это ложь?!» — она ответила: «Мне было жаль тебя, ведь я сама прожила такое же, но с каждым днём моё состояние возвращалось изза тебя». Её слова не были злыми, в них не было желания ранить, но от этого они били только сильнее — потому что в них была правда, которую я не хотел слышать. Именно в тот момент я понял: никому нельзя открываться, доверять и рассказывать всё на 100 %. Каким бы близким человек ни был тебе, иногда лучше промолчать, чем потом выслушивать эту же информацию, направленную против тебя, будто твои самые уязвимые места стали оружием. Позже я уже нигде не нашёл Каю, будто её и не было никогда. Она удалила все соцсети, стёрла себя из цифро-

вого пространства, оставив после себя лишь пустоту. Её одноклассники умалчивали про её местонахождение, отводили глаза и спешили уйти, стоило мне задать вопрос. Оказывается, они просто боялись разговаривать со мной, потому что Кая рассказала своим подругам про моё состояние, а подруги — уже и всем остальным. Слухи расползались быстро, и я стал для них не человеком, а историей, которую шепчут за спиной. Было небольшим облегчением то, что Кая училась в другой школе, потому про моё психологическое и физическое состояние так никто и не узнал. По крайней мере, в моём окружении. А что насчёт физического состояния? Моё тело было покрыто маленькими шрамами — тихими свидетелями тех дней, когда боль становилась единственным доказательством, что я ещё жив. Каждый день я расчёсывал свою кожу до крови, а после мочил эти ранки кипятком. Не знаю, как объяснить это состояние: это не было попыткой привлечь внимание или криком о помощи. Скорее, это была странная попытка уравновесить внутреннюю и внешнюю боль, будто если я смогу почувствовать что-то реальное, то перестану чувствовать то, что разрывало меня изнутри. Потихоньку я начал сходить с ума, и самое страшное было в том, что я осознавал это, но не мог остановиться. Я ничего не говорил родителям о том, что со мной происходит. Я выбрал мирное молчание во благо их же психики. Я не хотел, чтобы мама плакала, а папа ходил взадвперёд по комнате, сжимая кулаки и не зная, что сделать, чтобы спасти сына, который

разваливался на части прямо у них на глазах. Но есть ещё одна причина, по которой я так ничего и не рассказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.